

Сказки из Тени, или Записки Пустоты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Килунин Кирилл

Кирилл Борисович Килунин

Сказки из Тени, или Записки Пустоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48621643

SelfPub; 2025

Аннотация

Это всего лишь непутевый путь, на котором смешались сны и реальность, явь и кривь. Я не знаю, захочешь ли Ты... по нему пройти? Но на всякий случай: приятного Тебе странствия, путник, не верь никому, кроме своего сердца, не разбрасывайся душою в лабиринтах чужих Дорог, всегда помни о своей... Дороге, и навсегда... надейся, ищи... и жди! Пусть пустота будет вне тебя и никогда не будет тобой... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга 1. Это только знали звезды...	4
0	4
1	5
2	8
3	14
4	17
5	22
6	28
7	31
8	34
9	44
10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кирилл Килунин

Сказки из Тени, или Записки Пустоты

Книга 1. Это только знали звезды...

0

Иногда этот мир шлет нам послов, мы их, к сожалению, часто не узнаем. Это те, кто нас любит. Это – любящие нас. Не узнавая или отвергая их, мы не узнаем или отвергаем и мир, который их к нам послал...

(Евг. Богат)

Это только знали звезды...

Что, это?

То, для чего этот Мир вертится. Да, Он вертится, и я, верчусь, словно белка в колесе. Движение – это жизнь. Я, так живу...

Как?

Как все. Работа – Дом, Дом – работа... и еще, какие-то ОБЯЗАННОСТИ, не понятно для чего и перед кем. Я вроде бы никому ничего не должен, но Они – есть. И они держат на земле, как земное притяжение, которое не дает улететь под внезапным порывом Ветра, в открытый Космос.

Но все ЭТО – неважно, это – не главное. Разве может быть подобная чепуха – Главным...

Главное – это... Главное – это... главное – это, то что, ТЫ хочешь... очень-очень. Наверное, это – ТВОИ и Мои мечты.

О чем мечтаешь, Ты?

Подожди, это – очень лично, и я пойму, если ты не захочешь ответить просто так, сразу... или вообще промолчишь. Но ведь я могу рассказать тебе о своих мечтах. Я, наверное, кажусь глупым. Но глупость, по секрету, одна из важнейших составляющих счастья.

Хочется, хочется превратить свою жизнь в сказку, ненадолго – это возможно.

Хочется настоящей любви, жены, детей, семьи. И еще..., чтобы, наконец, сбылось кое-что заветное. Но..., сейчас работа, дом, Дом – Работа, а все остальное потом...

Ты даже не представляешь, какое это ужасное слово – ПОТОМ. Это наше – потом. Потом – это Вечность, в которую мы проваливаемся, как в Черную дыру. Мы живем ради того, чтобы наступило потом. Живем не по настоящему, словно только готовясь к чему-то истинно достойному ожидания. Но, а потом – неожиданно приходит Смерть. Ожидание ждет, и ничего не происходит...

– Постой! Ты видишь Ангелов?

– Уйди придурок..., сумасшедший ...

– Да..., значит, я снова ошибся, и ты не видишь Ангелов.

Ты не можешь посмотреть на этот Мир так как я... А ведь Они, есть. Я знаю об этом точно. Их невозможно увидеть, но можно знать, что их возможно увидеть. Это, это, наверное, можно почувствовать самым краешком глаз, как яркое теплое пятно, мгновение назад промелькнувшее, где-то совсем рядом с твоим взглядом, коснувшись нежнейшим пухом пернатого крыла, твоей щеки... И еще, колокольчик, он звякнул – «тзинь», и пропал... На душе – тепло, на лице расцвела неожиданная улыбка... И ты – видишь ангелов. Так жаль, что, Ты не видишь. Когда в чужих глазах находишь свою душу, становится безумно тепле. Только так сложно найти в этом холодном Мегаполисе, Ту, что видит Ангелов...

Безумно сложно, но говорят, что и Безумие – это часть

Счастья. Но вот, Эти – лгут. Безумие – это только Безумие. Не Зло, и не Добро, просто стихия, ...как Южный ветер, в любую минуту готовый стать Ураганом. И тогда все меняется... И, Ты не понимаешь, это – в тебе, или с миром вокруг случилось, а может и не случилось, и вообще никогда не случилось..., просто Ты изменил свой Взгляд, или Твой Взгляд изменил Тебе, Тебя...

Измени себя, измени себе, подожди..., может, Ты видишь Ангелов?

– Нет. Постой, да ты пьян.

– Я?

– Да, Ты.

– Я. Да я ... А Ты? Ты?

– Теперь уже не знаю, и, наверное, не хочу знать...

– Разве ты знаешь?

– Знаю...

– Ну, тогда...

– Да, я уже молчу.

– Нет, Ты послушай!!!

– Я слышу. А хочешь, расскажу Сказку...

– Ты!?

– Я...

– Давай.

Вот так, началось все в пятницу...

Она мыла окна, в которых отражалось умирающее лето, уходящее солнце и моя обескураженная физиономия. Я не знаю, почему подошел именно к ней, ведь там, в институте, на просительно-принудительной отработке было так много симпатичных девчонок – студенток. Не знаю... Но, именно в этот момент бытия мое Я перестало существовать неведомым способом заменившись категорией Мы. До сих пор, и спустя шесть лет, я, мысленно обдумывая свое будущее и настоящее, проецирую свою судьбу с ее судьбой, выдумывая совершенно безумные утопические комбинации, способные привести, объединить наши пути воедино..., а затем мысленно отсекаю все мифически ирреальное, о, эта бритва Оккама. И тогда, остается лишь одна дорога, на которой ей нет места. ОНА...

Кто она?

Как и тогда, увидев ее впервые я не знал про нее всей правды, так и не знаю до сих пор... А неправды, ее и так много в нашем мире, чтобы, еще говорить неправду о Ней. Она, – это ее огромные зеленые глаза, с искрами первых рассветных лучей, которые не гаснут даже ночью. Возможно, именно тепло ее глаз свело меня тогда с ума. Я искал тепла и нашел его в ее глазах, в изумрудных очах прекрасной ведьмы с каштановыми локонами, и невинной улыбкой заблудившего-

сы ребенка, ждущего от нашего мира только светлых красок в подарок. Конечно же, она говорила, что похожа на большого пушистого медвежонка, и глаза ее – карие, но я, почему то не верил.

Неведомо как, в толпе обезумевших от счастья тинэйджеров. Успешно сдавших свои первые экзамены в вуз, на сленге улиц именуемый, лаконично – Кулек, готовых теперь побрататься со всем миром и самим Господом Богом. Ее рука, оказалась в моей.... руке. И мне, показалось, что это уже было когда-то. Три тысячи лет назад... Мы все так – же, шли с ней, державшись за руки по мелкому белому кварцевому песку. Я утопал в ее глазах. Она в моих глазах. А вдалеке, было – МОРЕ... Ее розовый прозрачный хитон развивал легкий бриз, а на мне была лишь серая набедренная повязка и кожаные сандалии, она шла босиком, все наши следы смывала внезапно набежавшая волна, и было у нас все, что мы могли пожелать. И не было ничего, только...

Шум голосов, запах дешевой водки и пива, шум моря, крики чаек... Кама, с ее бескрайней синевой и уходящими в даль пароходами, глубиной вод и человеческими отбросами на верхушках речных волн. Как и в долине – Инд, здесь, за Каменным поясом, Кама – все та же богиня любви Кама сутра, Кама – река, Кама – вечный поток... она была МОРЕМ сотни тысяч лет назад, и через малую долю вечности снова станет им, возможно.

Порой, мне кажется, что поток нашей жизни, это аптеч-

ная пилюля перевертыш, под глянцевой сахарной оболочкой скрыта небывалая горечь, иногда бывает иначе, когда в дурно пахнувшей грязи прячутся настоящие осколки солнца, способные не только обогреть и дать силу корням, но и сжечь своим истинным теплом неаккуратного пользователя.

Но, только пережив, то, после чего и жить не хочется. Или, наоборот, до одури хочется, теперь – то вот, жить вечно. Только тогда, начинаешь с отупляющим изумлением понимать, что самая страшная горечь – может излечить, самое искренне тепло – может в своем ослеплении сжечь, не только свою, но и твою душу... синим огнем, а пока... какая к черту аккуратность, когда **ТЫ МОЛОД...** и в **ЖИЗНИ** хочется так много. И ты, в состоянии прыщавой фрустрации, вначале хочешь признаться в любви этому чертову Миру, а затем, рассказать каждой микронной песчинке на созданной Богом земле, как ты всех их ненавидишь, аккуратно подсчитывая в уме, сколько нужно взрывчатки, чтобы взорвать этот Мир.

Я ни когда не думал об аккуратности, когда спешил жить, такие глупости для тех, кто стремится правильно существовать. Так же, наверное, думал и юный Икар, разбиваясь о свое собственное солнце, ломая свои первые, они же и последние крылья.

Долго ли возможно идти рука в руке?

Долго, очень долго..., пока не захочется человеческой, а не ангельской еды, пока не пойдет холодный осенний дождь, способный остудить даже самые теплые отношения.

Мы шли долго, даже не заметив, что нас уже только двое, и мы одинаково мыслим. Наверное, я понял это раньше ее, потому в ее глазах только сейчас появилось безумное удивление, легкая грусть по утраченному гордому одиночеству своей души, и испуг перед тем: что же будет теперь..., когда она утонула в моих глазах, а я в ее.

Я попытался успокоить забившегося в ее душе пушистого беззащитного зверя, сказав, что ничего..., ничего в этом мире не изменилось.

– Ага, – говорили ее глаза. – В этом, нет. А в моем?! Теперь, в моем мире, ТЫ.

– Да, – отвечал я, глядя в ее глаза. А в моем мире – ТЫ...

У нас такие разные улыбки, но суть у них была тогда одна, они в отличие от сплетающихся в единый океан глаз, словно извинялись за допущенное их хозяевами сумасшествие, будучи посланниками ослепленного разума, но нам так хотелось жить только одними чувствами, главным из которых стала – ЛЮБОВЬ...

Наверное в самом начале мы не понимали, что любим друг друга, нас просто безостановочно тянуло быть вместе, и стало совершенно безразлично, что мы при этом делали: болтали без умолку, гуляли по улицам и отдающимся осени паркам, шуршали павшей листвой или просто – молчали... Когда я нежно, словно пригревшегося несмышленного котенка баюкал ее руку, она чаще смотрела в бескрайне ярчайшее небо, цвета вареной джинсы, провожала мечтательным

взглядом стаи птиц, так же молча, спрашивая у меня, или у самого НЕБА:

– Зачем они улетают..?

А пока я раздумывал над ее вопросом, в котором не было места словам, она все так же молча, словно затаившись где-то между двумя мирами, бытия и небытия, разглядывала небо, изредка окунаясь в мои глаза.

– Они голубые...

– Что?

– Твои глаза...

– Ты только сейчас заметила?

– Да..., я ведь..., – Она улыбнулась, рассмеявшись, словно раскрывшийся мак. – Раньше я думала, в них просто отражается небо...

– В них отражаешься ты, прошептал я одними губами, но она услышала.

– Дурачок.

– Сам знаю, – отвечал я, – А еще я знаю, почему птицы улетают.

– Ну и почему?

Теперь, она сама взяла мою ладонь в свою розовую ладошку, и посмотрела в глаза. Не знаю, что было в моих, но в ее зеленых глазах резвились такие отчаянные бесенята, что я с самым разумным видом начал нести такую чушь, в которую откровенно верил (Боже, кажется, я верю в нее до сих пор...):

– Скоро придет ЗИМА... – ее пурпурные губки сложились бантом, а я, всего лишь, трепался. – И чтобы выжить, в эту бесконечно – ледяную зиму, всему живому нужно тепло, настоящее тепло, не тот искусственный свет, что придумали мы – люди. Необходимо настоящее солнце или любовь, это почти одно и то же. Птицы улетают к солнцу, люди то – же раньше умели летать, а теперь разучились, но они, не разучились любить, поэтому выживают в самые холодные зимы. Когда вместе, совсем не страшно, ты моя южная бухта у моря, я твоя, так переживем все самые страшные бури..., зимы..., и другие ненастья.

Она сморщила носик, но свою голову доверчиво положила на мое плечо:

– Выдумщик...

– Я пишу эту сказку для нас ветром, чтобы она стала правдой, нужно только поверить.

– Ну, я и говорю, вы-дум-щик.

– Ты видишь ангелов...? – мой шепот в ее правое ухо.

– Пока не знаю, – она совершенно серьезна. – Но я знаю, что мне пора, – так сказала она, отбив на своем трамвае номер двенадцать, в неизвестном для меня направлении, называемом ею тогда домом.

В нашем мире так мало настоящего, что даже реальностью оказывается всего лишь то, во что мы, наконец, захотим поверить. Глупо, но многие, если не все, живут именно так. Самые разумные верят в то, что видят, еще более приспособленные к жизненным перипетиям верят в то, что хотят видеть, массы – хавают то, что дает на выходе планетарный PR – детище проклинаемого и обожаемого всеми нами СМИ.

В своей жизни я всегда пытался придерживаться принципа гениев эпохи Ренессанса, универсализм – вот мой девиз, я совершал и продолжаю совершать ошибки людей всех психотипов, страт и вероисповеданий. Я верую и не верую, выдумываю и стремлюсь к самым непогрешимым канонам реальности, с ужасом и благоговением понимая, что реально лишь то, что в твоей голове, происходит в тебе, волнует тебя, дает и одновременно не дает тебе жить...

Так я очень долго не хотел верить в смерть. Нет, я, конечно же, знал, что она где-то есть. Но это просто не могло случиться с кем-то из тех, кто мне по-настоящему дорог. Когда ее не видишь – не веришь, но бывает и так, что, увидев смерть своими глазами, не веришь все равно. Кто-то из древних сказал:

– Пока я жив – смерти нет, когда умру – меня не будет..., нет страха перед тем, чего нет, и не будет.

Смерти своих друзей я не видел, они были совершенно разными, но хорошими людьми, способными не только брать, но и отдавать свое тепло, раздавать его совершенно бездумно, налево и на право, даже не думая о возвращении каких либо этических дивидендов, поверьте, сегодня это встречается редко. Богатырского сложения филолог – учитель литературы и русского языка, с обезображенным страшными ожогами лицом. Человек, разговаривающий со своими учениками только на чистой речи, сенсей, мастер по рукопашному бою (это все он один), и еще парень Леха – вечный мальчишка, драчун-забияка в поисках справедливости, которую, по его мнению, необходимо защищать именно так – кулаками (это другой мой друг).

В то время, когда за ними пришла смерть, наши дороги уже давно разошлись, не то чтобы кардинально, всего лишь пространство и время. В один момент, как-то вдруг само собой, оно перестало у нас совпадать. По Маяковскому проклятый быт одинаково разбивает как лодки, так и любовь, вкратце, любые чувства и отношения. Возможно, в этом что-то есть, но и пространство и время, не заставили меня перестать считать этих двух совершенно разных и не похожих друг на друга людей – моими настоящими друзьями.

Учитель русского и литературы, необычайно сильный человек, не способный повысить голос, занимающийся на досуге гипнозом и написанием сказок..., я расскажу сначала о нем, наверное, потому что все еще помню его тишайший

ГОЛОС...

– Тот человек возвращался домой очень усталым, отработав тяжелую смену в горячем цехе, отстояв, положенные семь часов у плавильной мартеновской печи, и просто решил срезать свой путь через овощной рынок, по осени расположившийся у старой полуразвалившейся церквушки Петра и Павла, что на площади Молодых коммунаров. Старики в китайских спортивных костюмах, подростки в майках и шортах, толстые грудастые бабы в цветастых сарафанах, все наперебой пытались продать свой нехитрый товарец, расхваливая прелести экологически чистого натурального продукта. Тому человеку, было совершенно безразлично. Что редиска выращенная на приусадебном участке в Новых Лядах, гораздо полезнее одноименного овощного суррогата, высаженного колхозом Рассвет, и взлелеянного с использованием всевозможных гадких пестицидов. Ему было все равно. Пока..., не те странные слова, произнесенные чахлой старушкой божьим одуванчиком, одетой в коричневую вязаную кофту, холщовую юбку до пят, и белый шерстяной платок:

– Сны, кому ж сны. Сны, любые, взаправдашние, забываются и исполняются. Недорого возьму. Не хочешь касатик, сон себе хороший прикупить? – тот человек сначала удивился.

– Ты, бабулька, никак снотворным торгуешь, травка ка-

кая, я бы взял, сплю, что-то плохо в последнее время..., после того как жена ушла, и переехал жить в общагу, соседи такие шумливые попались, черти...

– Да ты что соколик, какая травка, снами я торгую, покупай. Не бойся, товар хороший, – старушка ласково, словно живое существо погладила большой картофельный куль, ютившийся у ее ног.

– И по чем, – тот человек улыбался, в сны, он никогда не верил.

– Не дорого отдам, сто рублей за штуку.

– Однако...

– Да не дорого, сынок. Сны то, какие хорошие, одно загляденье...

Не то чтобы, тот человек совсем не поверил, он просто рискнул на половину, заплатил старушке полтинник и получил из ее трясущихся морщинистых рук нечто серое, похоже одновременно на сгусток тумана и мокрую вату, нечто тут же растаяло уже в его руках. Но человек остался доволен, когда шел к себе домой он думал о том, что «всего, что хочется, за деньги не купишь».

*

В эту ночь ему явилась его школьная любовь. На ней было именно то выпускное платье, белое, словно наряд невесты. Это были те же карие всепрощающие глаза. Однако, тогда

она не смогла его простить... Он так старался забыть причиненное ей зло. Что, наконец, это у него вышло. Именно тогда он позволил себе завести семью – жениться, стать отцом. Но теперь, когда он снова один, память вернулась, вернулась Эльга, так ее звали...

– Я простила тебя Иван, – и это было его прошлое имя. – Между нами нет больше зла. Все проходит, и это прошло... Я люблю тебя Вани-сан.

– Ты моя цветущая сакура, как жаль, что это всего лишь сон. Я даже не знаю где ты...

– Ты ошибаешься, все это правда. Я проведу, покажу тебе дорогу в мой дом, когда ты очнешься, то вспомнишь весь путь, и дом тот станет нашим, нашим новым домом. Хочешь? Веришь?

– Верю и хочу.

– Тогда дай мне твою правую руку.

Иван шел босиком по пустынным холодным улицам, спящим мертвецким сном, она... все время только рядом, на высоких каблуках в своем белом выпускном платье, как будто не было меж ними его сотворенного зла и десяти лет разлуки. В этом городе они никого не встретили, пустота, не было даже света в окнах. Незнакомый город, но все эти улицы были знакомы ему, так, же как и город, кажется еще чуть-чуть, и он вспомнит его название. Эльга, всем телом прильнула к его широкой груди, глаза ее были спокойны, только губы чуть-чуть дрожали.

– Тебе холодно, милая?

– Нет, ты..., ты слышишь эти голоса, они зовут меня. Пожалуйста, не отпускай, не отпускай мою руку..., и никогда не бросай меня!

– Не бойся, может это просто голоса ангелов.

Эльга улыбнулась. Ее внезапная истерия угасла, так же мгновенно и внезапно, как и вспыхнула. Она даже что-то хотела произнести в ответ, но именно в этот самый миг в его лицо ударил ледяной порыв совершенно черного ветра..., пропали все звуки и краски, и наступила пустота. И не было больше с ним Эльги, только гигантский черный экран наполненный пустотой, посреди которого висели пылающие красными всплесками, неоновые буквы: КОНЕЦ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Иван очнулся в холодном поту, и еле дождался рассвета, он выпил пять банок пива одна за другою, совершенно не чувствуя вкуса. Оделся как зомби. И пытаюсь заставить себя ни в коем случае не спешить, тронулся в сторону овощного рынка. Кажется, весь этот мир тронулся вместе с ним... Старики в китайских спортивных костюмах, подростки в майках и шортах, толстые грудастые бабы в цветастых сарафанах, все наперебой пытались продать свой нехитрый товар, расхваливая прелести экологически чистого натурального продукта.

Чахлая старушка – божий одуванчик, одетая в коричневую вязанную кофту, холщовую юбку до пят, и белый шер-

стояной платок стояла на том же месте, у ее ног ютился большой картофельный куль:

– Кому капусту, свежую капусту, – вещала она.

– А сны, бабушка. Я хотел бы купить у тебя сон. Можно даже просто половину, ту вторую, я был вчера здесь, отдам любые деньги, все, что у меня есть, у меня есть мало, но я отдам все...– Иван упал на колени и заплакал как ребенок, навзрыд. Как, будто еще не понимая, что в этом мире всего никогда не хватит на всех, и всего за деньги не купишь.

– Ну что ты родиночка, – старушка ласково гладила его взлохмаченные после сна волосы. – Хочешь, капустки возьми, за так. Что же вы все молодые таки горемычные, – бабка вздохнула. А Иван, поднявшись с колен, не замечая больше никого, побрел домой, сжимая в руках подаренный бабкой зеленый вилочек капусты, безнадежно пытаясь вспомнить то название города, то лабиринты улиц, которыми вела его Эльга, в его незавершенном сне, купленном наполовину...

ВОТ ТАКИЕ СТРАННЫЕ СКАЗКИ рассказывал мой учитель русского языка и литературы. Его смерть, как и жизнь не была похожа на сказку. Про его жизнь я знал меньше, чем про его смерть. Даже имя его незримо стерлось из памяти, осталось лишь прозвище, данное ему нами – такими милыми в своей непосредственности и такими жестокими детьми, КИНГ-КОНГ. Большая обезьяна... Мне было тогда всего двенадцать лет, и я мало понимал взрослые разговоры, откровенно мне было на них наплевать, но все что говорилось про КИНГ-КОНГА, было для меня вовсе не безразлично.

– Его жизнь – череда потерь, – произносила громким шепотом учительница истории Эмма Поликарповна Друль, поправляя на своем мясистом носу узкие очки в серебристой оправе.

– Ох, если бы не эти шрамы, – томно вздыхала наша певичка, теребя кудрявый черненный локон на своей пухлогубой, большеглазой головке, Ниночка – учитель пения. По этой красивой легкомысленной особе вздыхали все ученики старших классов нашей, довольно средней школы. Мне было всего двенадцать, и я еще так мало понимал этот мир, но чувствовал, что даже в этом мире, где все взрослые лгут, а дети ничего не понимают, есть что-то настоящее..., и сколько лет

тому, кого хочется назвать другом, совершенно неважно.

Почему я считал Кинг-Конга своим другом?

Вряд ли это легко объяснить... Это, и не нужно объяснять. Просто друг, ты это знаешь, и он это знает. Вы равны. Как я мечтал, чтобы он был моим отцом, кажется, он то же хотел, чтобы у него, когда — ни — будь, был сын, такой как я...

— У тебя все будет хорошо, Кирюша...

Настоящий друг, это когда тебе плохо, он рядом, когда тебе хорошо, ты хочешь поделиться с ним этой радостью. Когда его нет рядом, ты все равно знаешь, что он есть, твой друг. Таким человеком, для меня был Кинг-Конг.

Когда я узнал о его смерти, то не поверил, просто не хотел верить. Тогда мне стукнуло семнадцать, я уже многое понимал, но, это вовсе не значит, что хотел принимать, этот мир таким, каков он есть.

Дело было так... В нашу школу привезли две тонны оконных стекол для капитального ремонта, и конечно же ни какие районские сметы не учитывали грузчиков, для того, чтобы это самое стекло разгрузить. Тогда, в нашей довольно средней школе, главенствовала сильно пьющая директриса, попавшая на столь ответственный пост то ли случайно, то ли в качестве наказания, понижением с ведущей партийной должности. Эта неопрятная женщина с вечными кругами у глаз, приказала отправить на разгрузку стекла школьников младших классов, а наш учитель русского и литературы, Кинг-Конг, в силу тонкости и хрупкости своего душевного

мира, не мог позволить свершиться столь вопиющей несбалансированности реалий, поэтому решил сам лично выгрузить — все две тонны чертово оконного стекла...

Никто не знает точно, что же тогда случилось, но все две тонны проклятого оконного стекла рухнули прямо на Кинг-Конга, а за его спиной стояли несколько младших школьников, все-таки пришедших помочь, кроме учителя русского языка и литературы, моего друга, не пострадал никто. Он взял на себя все, совершив небывалый подвиг нечеловеческой отваги и силы, не замеченный совершенно ни кем. Удерживая эту сползающую с кузова грузовика стеклянную махину. После своего неоцененного героизма он жил еще сутки, находясь в коме. В итоге, сильно пьющую директрису выгнали, но без скандала, заменив ее пожилым худошавым дедушкой в толстостенных очках, которому тоже было насрать куда катится наша школа, но он не пил.... А Кинг-Конга схоронили по тихому, на одном из центральных кладбищ нашего северного города.

И еще про его сказку, ту самую, которую я рассказал тебе выше, о человеке, купившем свой сон, ты помнишь... Сегодня мне бы очень хотелось задать вопрос, не своему учителю русского языка и литературы, а тому человеку, Ивану, Ивансану:

— Почему ТЫ, молодой и сильный, не стал искать ЕЕ (Эльгу) дальше, а по-слюнтяйски отправился жевать свою ничемную жизнь, как вилок зеленой капусты, бесплатно отдан-

ный дряхлой старухой – судьбой? Я хочу на него закричать, может даже ударить, а он тупо, по бараньи, пялится в мои глаза, так долго, что на протяжении своих сегодняшних, теперь уже двадцати шести лет, я его наконец понимаю... «Кто же знает, куда ОНА могла его привести в ту роковую ночь, там во второй половине незаконченного сна, вполне вероятно была обычная БЕЗДНА, Дорога в Никуда. Ведь Эльга умерла. Он знал об этом, но, так – же как и я не хотел верить. Ведь легче было просто поверить в существование незаконченного сна и своей личной неполноценности, или возможную хорошую концовку, чем в неотвратимость свершившегося.

Второго моего настоящего друга звали просто – Леха... Его судьба была не столько ярка, но не менее трагична. В чем-то, она по существу напоминала событийную реальность принятую Кинг-Конгом. Он, тоже стал жертвой чей – то халатности, бездумного эгоизма, или просто несчастного случая. Александр погиб в армии, избежав горячих точек и стрельбы, он попал в самые суровые российские войска – стройбат... Они с другими бойцами возводили очередную дачу очередному армейскому генералу, когда плохо закрепленное бревно, соскользнув, ударило Леху-Александра по голове – прямо в висок, став по заключению доктора – контрактника, причиной Лехиной смерти. По другой, не официальной версии, его просто насмерть забили злобствующие деды.

Учась с ним вместе, мы часто представляли себя отважными первооткрывателями, исследуя территорию Логовой свалки, бродя среди разрушенных домов и ничейных дворов Костырева, заросших полынью, ромашкой и огромными слоноподобными лопухами. Это была ничья земля, иногда даже казалось, что это совершенно иная планета, чужая, неоткрытая ни кем еще галактика. Было время, когда два героя, десяти лет отроду, отчаянно бились со всей местечковой шпаной, не боясь ничего и ни кого, потому что стояли спиной к спине, отчаянно защищая друг друга. И это были мы... Но, вместе с уходом Лехи, пропал куда-то весь мой героизм. За прожитое до сего момента время, я так и не встретил того, кому бы смог, так же без раздумья доверить свою спину, или самую страшную тайну.

Обычный весенний солнечный день. Именно тот – с синейшим безоблачным небом, воздухом, наполненным самыми обворожительными и завораживающими запахами, возрождающейся жизни. День, сотканный из распускающихся почек лип. Звона ледяного ручья. Пения проснувшихся птиц. И, накатывающегося с неотвратимым блаженством настоящего желтого тепла. Я, иду по Южной дамбе. Голова пуста – там ветер. В глазах – небо. В сердце – пустота, требующая немедленной заполненности. И тут, пошел дождь.

Вернее, это только я так думал, что дождь пошел. На самом деле, его просто не было... Это я, плакал. Это мое небо провалило. Потому, что умерли два таких дорогих мне человека, в долину Смерти, черной реки Стикс, ушли мои друзья. Я не знаю, откуда это пришло, мне стукнуло уже двадцать лет... И я, впервые пришел в церковь сам, в слезах и незаполненной ни чем пустотой в сердце, чтобы поставить заупокойные свечки за тех, кто умер уже давно, но для меня только сейчас... Не знаю, что подумали церковные старушки, что прочитали в моих глазах, меня просто невесомо подхватили за руки, подвели к нужным иконам и помогли расставить те самые заупокойные свечи, молча разделив мое горе, перекрестив, и отпустив из мира ушедших, в мир живых... все так же молча. Нужные слова не срывались с языка, они были в голове и сердце. Тогда боль не ушла целиком, то, что от нее осталось, навсегда превратилось в пустотелую серую тень, что шепчет иногда в минуты осеннего листопада, о том, что однажды все можно потерять. Но пока в этом мире весна, я хочу думать только о любви.

Моя любовь... разная, как времена года. То слепа, то холодна, она жжет, греет, возносит к небесам, но Боже, как больно оттуда падать, с периодичностью похожей на постоянство. Она уверяет, что она есть, даже тогда, когда я знаю точно, что ее нет! Ее душа – для меня загадка. Ее сердце – изменчиво как ветер. Ее настоящее имя, называть пока, слишком рано, чтобы, как ни – будь обозначить ее в этом повествовании, выберу всего лишь две одинаковых буквы, Юю (это не ее настоящее имя, просто частичка фамилии).

– Почему Юю?

– «Просто не понимаю, как объяснить, но теперь только именно так буду ее называть, Юю».

Юю, сама толком никогда не знала, чего хочет от жизни, поэтому так старалась брать от нее все, что возможно. Именно в тот момент ее эпикурейских исканий, ее путь пересекся с моим путем. Юю, это она мыла окна, ездила на двенадцатом трамвае, владела зелеными ведьмачьими глазами (по ее уверениям карими) и моим сердцем. Она никогда не говорила, но именно я был ее мальчиком для любви. И не путайте чувства с животным сексом, конечно же, у Юю был мальчик и для него. И еще – один не совсем молодой человек, что за все платил, не считая еще трех-четырех откровенных престарелых мачо, которые, просто водили Юю по шикарным

ресторанам, дорогим клубам и званым вечерам.

Я встретил Юю в начале осени, и совершенно не заметил, как наступила зима. Время словно испуганная птица, с криком проносилось над головою, пропадая в свою неизвестность, возможно, всего лишь в теплые страны. Холодная, и бесконечная, целая половина года – короткий всплеск дня и тьма ночи. Зима. Снег снизу и сверху. Снег вокруг, но хуже всего, когда кажется, что он в тебе. Все в тебе состоит только из одного снега.

Мне не хватало Ее тепла. С приходом зимы Юю становилось все меньше и меньше. Она надолго выпадала из моей жизни, ведя какую-то свою, тайную жизнь. Все просьбы и требования воспринимались в штыки, утверждением, «что это мне слишком много надо».

Да, я жаден, корыстен и небывало эгоистичен.

Удивительно, но, устав думать про Юю разные гадости, я поверил в свою неправоту. Это уже случилось после того, как, вместе выпив в баре, неизмеримое количество пива в дикой смеси с Советским шампанским и апельсиновым соком, мы в очередной раз разругались, и по домам отправились врозь, как чужие, совершенно чужие друг другу люди.

Были пропиты последние деньги, поэтому я шел домой пешком, пьяно танцуя с метелью очередной романтический медленный танец, глотая снег, увязая в сугробах. Нам было так хорошо наедине с метелью, она вела, я лишь галантно поддерживал ритм, из всех сил стараясь удержать равнове-

сие и не уронить лица в снег, а все вокруг медленно сходили с ума. Мимо проносились серебристые «Мерсы» и черные «Буммеры», такие же, как и я, пьяные танцоры, бабки с мешками наполненными стеклотарой, я ни капли не удивился, когда из тьмы появилась фигура, закованная в камуфлу, бронежилет, армейскую каску, с автоматом в руках.

– Вам лучше туда не ходить, это не безопасно, – их стало уже трое, четверо...

Я улыбнулся и повернул в другую сторону, внезапно оказавшуюся нужной...

Добрался до дома на автопилоте, разделся и тут же заснул, только для того чтобы снова отправиться к Ней.

Зимой вечер и ночь так похожи ... Они сливаются и их нельзя различить. Хорошо, что люди придумали часы. Но и часы иногда врут, или могут сломаться в самый неподходящий момент.

Я часы не ношу. Как много людей сейчас не носят часов.

– Почему? – спросите вы меня, или себя.

– Почему хочется свободы? Почему хочется забыться и потеряться в толпе ...

Оставим решать эти вопросы кому – ни – будь очень умному, а я спешу ...

Желтый свет фонарей, белые крылья снега, дырки в небе похожие на свечи – это звезды. Бархатно – черная ночь, или может быть вечер. Я не знаю – ведь я не ношу часов, и я очень спешу. Деревья – мерцающий иней, деревья – словно из сказки. Крыши домов в снежных шубках. Узкая тропинка прочь из-под ног, исчезает куда-то. Я уже спал, а ты позвонила – улыбнулась в телефонную трубку, рассмеялась и позвала, ты сказала, что хочешь меня видеть.

Боже, зимний вечер как в сказке. Мне так тебя не хватает....

Спящий город, сонные окна домов, напрочь закрытые глаза ... И, кажется я один на земле.

«Нет, я не один. Я спешу к тебе...Юю».

– Эй, тропинка, куда ты меня завела? Где я, зачем ты обманула. Не надо шуток, не надо лжи, ведь я спешу к ней, – она меня ждет.

– Ложь, ложь, ложь, – ответила тропинка.

– Ну, вот я с ума схожу что ли. С тропинкой разговариваю, а она мне отвечает.

Да скоро и с деревьями заговорю и перееду в дом, где ходят люди в белых халатах, и решетки на окнах, и так спокойно – пока не кричат буйные соседи по палате ...

Я стою. Я мыслю – значит, я существую. – «Я сплю или все это наяву? ...бред, сон. Сон, но нужно спешить, ты ждешь... Юю, я знаю, что **ТЫ ЖДЕШЬ...**»

И так страшна эта ночь. Впереди грязно серый овраг с черными кляксами неизвестно чего – там так тихо и так хорошо, кажется, даже звезды туда не смотрят – не беспокоят.

– Где я?

– «А не все ли равно. Как хорошо и хочется туда вниз, и тропка моя туда бежит».

– Стой, – закричала Луна, – Тебе туда нельзя. Там дорога мертвых...

– «Ну, вот опять началось. Я вообще отвернусь ...»

Теперь впереди огни – желтый свет фонарей, какие-то ларьки – остановка, и ящик с окошками подъехал – автобус еще называется, если побегу – успею к тебе. Ведь я знаю, что это – последний автобус.

Вот дом, в нем горит лишь одно окно.

Как я хочу, чтобы оно было твое.

Железные двери – холодные и мертвые. Ярко синий звонок, одно касание руки. Двери открываются без шума. Зелень (карих?) глаз, улыбка – подобная самому солнцу – твоя улыбка. И тихие, такие нужные слова:

– Я ТЕБЯ ЖДАЛА ...

– Юю, – улыбаюсь я в ответ, стряхивая с себя осколки льда, и просыпаюсь...

Все так странно и запутанно в этой нашей с вами жизни, даже когда ты уверен, что у тебя что-то есть, то этого вполне может быть – совершенно нет. С Юю мы вместе учились в одном вузе, и по невысказанной договоренности не афишировали там свои чувства, конечно же, многие догадывались, стоило лишь поглядеть, как я на нее смотрю..., как жду ее прихода и каждый раз радуюсь новой встрече.

Знал ли я о том, что большинство слов сказанных мне Юю – ложь? Конечно же, знал, но я знал так же о том, что она меня все таки любит, по своему... Возможно кому-то это покажется извращением. Но вот такая любовь, замешанная на обмане, и самообмане, предательстве, притворстве, искреннем желании отдать или забрать последнее, обогреть и сжечь. Если посмотреть на все это совершенно с другой стороны, то это было ее простое человеческое желание – быть счастливой. Юю довольно рано догадавшись, что в нашем мире нельзя получить все сразу, словно детскую мозаику или набор цветных пазлов, слепила искомое благо из совершенно разных кусочков, взяв у разных людей недостающие ей для счастья части. Можно долго любоваться собранной из пазлов картинкой, но как бы, не была она совершенна и прекрасна, выпадение всего лишь одного кусочка, подобно вселенскому катаклизму, потому что, в одно мгновение рушит

всю собранную с таким трудом картину целиком. Ты можешь собирать ее снова и снова, но она безнадежна, как разбитая и склеенная заново ваза, на нее еще можно смотреть, даже любовно созерцать, наслаждаясь издалека, когда не видно искусно замазанных трещин, но пользоваться ею в быту невозможно.

Только любовь делает тебя полноценным человеком, все восприятие мира меняется, и ты понимаешь, что больше не в состоянии довольствоваться малым. Или все, или ничего... Всего лишь один луч солнца, квадратный метр неба, или кусочек земли, этого не хватит, чтобы жить. Я не хотел быть частью мозаики, дополняющим общую картину чьего то счастья пазлом. Я так и заявил Юю, а она предложила остаться друзьями.

– То, что я могу простить любимой женщине, я никогда не прощу другу. – Мне не нужны такие друзья, – хотелось пафосно бросить ей в лицо, а я всего лишь шептал. Кажется, убеждая в этом вовсе не ее, а себя.

Мы, все-таки расстались... Первые две недели – был совершенный ад, а если по правде, последующие два года тоже. Труднее всего было не отвечать на ее телефонные звонки, а еще я видел ее везде: в толпе на троллейбусной остановке, в бакалейной лавке покупающей двести граммов голландского сыра, среди спешащих сумеречных прохожих, в чужих городах, в которых я был случайным гостем, даже у неба были ее глаза... Самое ужасное, что я не мог найти, то, что мог-

ло ее заменить, хотя—бы ненадолго. Перепробовав уличные знакомства, бары и излишне веселые компании, я поддался на авантюру друзей, попробовать продажной любви. Болтали мы об этом часто, даже те, у кого были постоянные девчонки и периодический здоровый секс. Треп, обычный пацанский треп, но что-то в этот раз пошло не так как обычно, среди нас не было никого из прекрасной половины человечества, ящик «Балтики» на пятерых, хорошее, демократичное пиво «№ 3», решает многие проблемы, но только не те, которые мы создаем себе сами. Безумный «Рамштайн», немецкий хаос в русской душе. Чья-то пьяная шутка с телефоном и случайно выбранным газетным объявлением, о предоставлении приятного отдыха для мужчин, ищущих ласки. Потрепанная черная «Волга» и три жрицы любви, к тому времени, нас осталось только трое...

Сутенеры, лысый толстяк и дерганый рыжий амбал, обожгли нас оценивающим взглядом.

- Товар посмотреть будем, – осклабился рыжий.
- Будем, – согласился кто-то из нас троих.
- Ну что кошки, работать, – толстяк со скрипом приоткрыл дверцу Волги, откуда выскользнули три, вполне симпатичных молоденьких гурии, как мы и сказали диспетчеру: грудастая блонди, худощавая большеглазая брюнетка и явно крашенная, рыжая ведьмочка – хохотушка. – Если не понравилось, привезем других, – толстяк по залихвацки хлопнул блондинку по оттопыренной попке.

– Да нет, уже нравятся, все путем братан, – мой взгляд прикипел к милой брюнетке с ее большими, похожими на горные озера глазами.

– Деньги вперед, – рыжий сделал шаг в нашем направлении, пряча большие узловатые ладони в карманах своей балахонистой кожаной куртки.

– Кто-то из нас протянул ему заранее приготовленную пачку денег. – Как и договаривались, на всю ночь...

– За кошками приедем утром, – толстяк уже запрыгивал в машину, а рыжий детина все тормозил.

– Приятно повеселится, пацаны.

Но ни кто из нас, его уже не слушал. У всех троих выиграли гормоны, оставалась лишь маленькая локальная проблема, как разместится теперь уже шестером в однокомнатной квартире. Под откровенные смешочки разрезвившихся путанок, мы просто тянули спички. Приятелям достались параллельные диваны в единственной комнате, а мне на выбор кухня или ванная, я выбрал ванную, вообще люблю воду и все чистое, даже если это просто секс с проституткой.

– Хочешь вина? – она кивнула. – Как тебя зовут? – она поправила кудрявую черную прядку, укрывшую на мгновение ее восточные глаза, настоянные на миндале. Посмотрела на меня как то по новому, задумчиво, что – ли.

– Энигма, – бросила, потупившись, на этот раз ее полные бархатные губки остались неподвижны, только расширившиеся зрачки улыбались.

– Я быстро, Загадка. Не бойся, я добрый, и немного знаю английский... Хм.

А ребята мои уже дорвались до сладкого, никаких тебе дурацких прелюдий, один самозабвенный трах. Они имели грудастую блондинку, и рыжую хохотушку в одинаковой позе, поставив девчонок на колени и зайдя сзади. Диваны скрипели в унисон, путанки вполне искренне стонали, создавая эффект стереозвука, дополняемый натужным страстным пыхтением молодых оголодавших парней. Между прочим, это здорово заводило, я схватил со стола раскупоренную бутылку «Токая» и бокал, и тихо ретировался, не мешая этой милой вакханалии.

Когда я распахнул двери ванной, в моих глазах полыхал настоящий лесной пожар, Загадка, сняв кожаную юбку, принялась за свою розовую кофточку, кружевные невесомы трусики, я снял с нее сам, а лифчик она не носила.

– Включи горячий душ, сказал я, отворачиваясь к двери, медленно раздеваясь сам, резко отказавшись от ее навязчивой помощи.

– А ты красивый, она стояла ванной, совершенно обнаженная, так же как и я в эту минуту. В зрачках веселье, на полных бархатных губках задумчивая улыбка.

– Тебе это мешает?! – интонация моего голоса, после многообещающего начала нашего знакомства, прозвучала излишне грубо. Я протянул ей наполненный вином бокал. Она, сделав маленький глоточек, поставила его на стеклянную

полку, облизывая губы с остатками помады.

– Совсем даже нет, – Загадка стушевалась, – Даже наоборот приятно, что Ты... такой....

– Можно я тебя вымою? – возможно, это даже для нее прозвучало странно, но она согласилась.

Не знаю, что стало с моим лесным пожаром, животной страстью, она никуда не ушла, лишь временно расплылась обволакивающим невесомым облаком, касаясь наших обнаженных тел, и мне казалось, что теперь я чувствую каждой клеточкой кожи. Медленно вода мягкой губкой и розовым пенистым мылом, присев я дотрагивался сначала до ее голеней, медленно поднимаясь по ноге выше..., нежно целуя каждый сантиметр вымытой, пахнувшей теперь земляничной поляной кожи. Внутренняя сторона бедер, бритый лобок, плоский загорелый живот, небольшие крепкие груди с соцветиями шоколадных сосков, еще поцелуй и еще, сто семьдесят первый, и двести второй – ее шея, подбородок...

– Можно я поцелую тебя в губы? – Загадка, согласно кивает. В ее глазах испуг и сладкая истома.

Ее губы раскрываются, как два бесстыдных распухших розовых бутона, а я все никак не могу, ими насытится. Отрываюсь с трудом, на прощание, дотрагиваясь до них самым кончиком языка. Я обнимаю Загадку и усаживаю ее на краешек ванны, раздвигаю ноги и медленно вхожу в ее жаркое влажное лоно. Так и не выпуская ее тела, нежно придерживая его руками, наращиваю ритм, нашептывая ее изголодав-

шейся душе самые сумасшедшие признания в любви, которые приходят в голову, конечно же, в моих полуприкрытых глазах – Юю, это именно ее я люблю сейчас, и все слова и ласки только для нее одной. Загадка томно вскрикивает в кровь расцарапывая мою спину, судорожно сжимается приподнимая бедра, кажется кончая, впервые за эту ночь шепча мне на ухо:

– Лю-би-мый...

И я знаю, что причиной ее оргазма стали мои лживые слова, а не ласки...

И я продолжаю свои простые движения, доводя теперь уже свою взбунтовавшуюся плоть до экстаза, шепча в ее душу:

– Юю, Ты для меня одна. Я люблю только тебя. Ты самая лучшая жемчужина мира, ведь ты совершенна. – Я все беру, а она самозабвенно отдается мне, за эту ночь еще три раза. Мое тело насыщается в край, ее душа то же полна. Закутанная в белоснежную махровую простыню, Загадка, словно ангел засыпает в моих объятьях, посреди кухни с выключенным светом и яркими северными звездами в проеме окон, в большом, приташенном мною, плюшевом кресле. Ночь нежна...

А утром, я просыпаюсь от одуряющего запаха свежее сваренного кофе. Мне двадцать шесть, большой мальчик, наверное, поэтому сплю с проституткой. А Загадка уже, совершенно одетая мечется по кухне, готовя нехитрый завтрак.

– Ты проснулся? Знаешь, девчонки уехали, а парни ушли за пивом. Я никогда не варила кофе, попробуй, вдруг понравится. – В ее больших миндалевидных глазах – страх, надежда, нечто по солнечному теплое. А в зрачках – полная безнадёжность.

– Я не люблю кофе, – мои глаза лгут.

– Можно поговорить с тобою серьезно, – Энигма стоит, отвернувшись ко мне спиной, но и без этого видно как дрожит каждый мускул ее хрупкого тела.

– Нет, это не к чему...., – я незаметно, маленькими глотками отпиваю из чашки дымящийся свежее смолотый кофе. Я вор... – «Божественно, необычайно вкусно, никогда такого не пил...», – но я и никогда этого ей не скажу, потому что знаю точно – через десять минут она уйдет. Я вор... но не убийца, тем более с мерзкой приставкой – «само...» За окном идет снег, со скрипом рессор останавливается черная Волга, из которой выходят толстяк и рыжий, сладкая парочка, ее, Загадкины сутенеры.

– Я никому и никогда не признавалась в любви, – она все так же стоит ко мне спиной. – Мне двадцать семь, и я никого, никогда не любила. Я знаю, что это звучит по-идиотски, но хочешь, я все брошу...!

– Зачем? – кофейня чашка показывает дно, с густой ароматной лужицей гуши.

– Потому что я тебя люблю, – теперь, Загадка, обернувшись, смотрит прямо в мои глаза.

– А я тебя нет, – я не могу видеть своего отражения, но кажется, мои глаза снова лгут.

Она отворачивается, на ее полных бархатных губках играет совершенно кривая улыбка, глаза пусты, лишь зрачки плачут.

– Ты проводишь меня?

– Да, – я растерян. – Ты даже не спросила моего имени! – сам не замечаю, как начинаю кричать.

– Теперь этого ненужно. Совершенно не нужно... – стучат ее каблучки. Улица обволакивает зимней прохладой, ветер дышит в лицо, на деревьях сине – белый иней... Горечь выхлопных газов от припаркованной рядом машины, конечно же, это черная «Волга». С веток медленно поднимается стая ворон, во дворе кроме нас никого.

– Все в порядке, кошка? – благосклонно кивнув мне, спрашивает толстяк у стоящей ко мне спиной Загадки.

– Сволочь, ублюдок, гад!!! – Загадка, развернувшись ко мне, хочет расцарапать ногтями мое лицо, а рыжий детина пытается ее оттащить.

– Он что-то сделал с тобою плохое, – хмурится толстяк, сжимая кулаки.

– Нет! Нет! Поехали отсюда, это я дура... – рыжий отпускает ее, и с довольной ухмылкой раскуривает Золотой «Кэмел», запрыгивая в машину, занимая место водителя, а Загадка садится рядом.

– Парень, у тебя есть к ней претензии? – спрашивает тол-

стяк все так же, продолжая хмуриться.

– Нет, все было просто супер. Она прелесть, никогда не спал с такой милашкой.

– Кошкой, – поправляет толстяк. Не забывай наш телефон, парень.

– Не забуду, – отвечаю я, улыбаясь, а в глазах – ледяная пустыня. Я себя презираю...

К подъезду подгребают друзья с пивом, это «Балтика» «Тройка», черная «Волга» увозит навсегда из моей жизни Энигму (Загадку, если по – русски), и я напиваюсь до беспамятства, отправляясь бродить в одиночестве по Синему Лесу...

Синий Лес – это самая моя страшная тайна. Если кто – ни – будь, ее узнает, то решит, что я совершенно сошел с ума. Может быть, так и есть...

Синий Лес, это – место, куда я ухожу, когда совсем плохо: душа разрывается, подкашиваются ноги отказываясь двигаться, и в качестве заключительного личного коллапса – останавливается сердце, можете мне не поверить, но в таком состоянии жить – крайне сложно. Если вообще возможно, ...И тогда, я ухожу в Синий лес, в поисках собственного локального катарсиса. Лес..., он, действительно синий. Синие ели, и хвоя у сосен синяя. Но, самое синее в Синем Лесу – этого его безумно синее небо ... такое глубокое, холодное и бесконечное, до самых первых лучей рассветного солнца...

В этом Синем лесу живет Дед, он умер тогда, когда было двенадцать лет. Там, в лесу, он навсегда остался таким, каким я запомнил его при жизни: седые волосы, крупные черты лица, тихая успокаивающая улыбка и медленные уверенные движения, человека повидавшего за свою жизнь много. Очень, много. Морской офицер, кавалер различных орденов и наград, побывавший на трех войнах, здесь, он продолжал служить миру защитником леса, его Лесным хозяином.

Даже будучи в вполне реальном лесу, я всегда чувствовал и продолжаю чувствовать его незримое присутствие, обеща-

ющее непременною заботу и защиту. Наверное, поэтому, я вообще не боялся, и не боюсь любого леса...

В верхушках сосен болтали птицы, я никогда их не видел, но знал, что это именно они. Тропинку, усыпанную золотистой хвоей, и шишками изредка перебегали упитанные зайцы, деловитые барсуки, и совершенно рыжие, хитрющие даже на первый взгляд, лисы. За третьим поворотом тропы – заросли малины, она так любит цепляться за мою куртку, но всегда платит сладчайшими фиолетовыми плодами, здесь иногда я слышу медведя, зная, что этот косолапый всегда дружелюбен и нам с ним нечего делить, кроме этих самых ягод, которых точно хватит, чтобы прокормить целых шесть медвежьих семей. Но, он один... поэтому, наверное, иногда жалобно поскуливает, когда я прохожу мимо зарослей малины. А я, безбоязненно протягиваю ладонь, нежно поглаживая торчащие из кустов кончики ушей и черную шершавость медвежьего носа.

Лес, тропинка сбегает в овраг, здесь через бурлящий ручей с совершенно прозрачной изумрудной водой перекинуто трухлявое, но все еще вполне надежное бревно – бывшее когда-то кленовым стволом.

Я останавливаю свое движение ровно на две минуты, которых вполне достаточно, чтобы утолить внезапную, однако регулярно охватывающую меня именно на этом самом месте – жажду. От ледяной прохлады воды ломит зубы, на дне ручья мечутся серебряные тени водяных, на фоне золотого пес-

ка, и павшей, уплывающей вдоль, по течению ручья, листвы. Именно там, я вижу свое изменчивое отражение... взлохмаченная шевелюра, глаза, распахнутый в счастливой улыбке рот.

Лес, Синий Лес, синее его лишь синее небо ... такое глубокое, холодное и бесконечное, до самых первых лучей рассветного солнца...

Какое – то время, я только люблюсь небом, вдыхаю его, делаю небольшой пробный глоток, а затем пью небо, словно холодную прохладу из пройденного ручья. Впереди еще огромная поляна целиком из распутившихся подсолнухов, Волчий камень – место моей легкой не поддающейся разумному осознанию тревоги, Кедровый кряж, березовая роща на холме, а в конце пути Изба – дом, в котором живет мой дед.

Изба – самое надежное из известных нам с Дедом жилищ. Большая, из цельных дубовых стволов, в два поверха, с покатою двускатной крышей, выложенной по признанию деда драконьей чешуей, она царит на самой высокой точке холма, посреди вечно молодых тонкостанных русских берез.

В проемах окон часто гостит солнце, большая, выложенная цветными изразцами домашняя печь согревает своим теплом все два этажа дома, все семь комнат-горниц, которые, уже давно, очень давно ждут своих гостей, но до последнего момента к Деду приходил только я один.

Сегодня все пошло не так, Дед не встречал меня как всегда, стоя у изгороди, раскуривая свою незабвенную вереско-

вую трубку, набитую отменным голландским табаком. Бродяга ветер не шумел в березовых кудрях. В моей душе поселилась пустота. И дом казался пустым, до того самого мгновения, пока не распахнулась ведущая в дом дверь.

– О, у нас сегодня сплошные гости, – дед, широко улыбаясь, шагает прямо с крыльца мне на встречу.

– Разве еще кто-то пришел, – удивляюсь я.

– Да... и они говорили, что ты их хорошо знаешь, и даже просились назваться друзьями.

Заинтригованный подобным заявлением, я прохожу сначала на широкое крыльцо, а затем в не менее просторные благоухающие свежескошенным сеном сени, так оказываюсь в гостинном зале избы, он же кухня с красавицей печкой. Темно, но прикрыв глаза ровно на десять секунд, а затем, открыв их, я, наконец, вижу неожиданных гостей. Они сидят за одним столом, и пьют чай с баранками... Рыцарь – сильно печального образа, в серых, местами сильно помятых доспехах, с серыми же крыльями за спиной и чернявый вихрастый черт, с улыбкой на пол лица, и небольшими козлиными рожками посреди лба. К столу прислонен огромный, покрытый ржавчиной меч, а в углу, в самой густой тени, чернеет, чертов трезубец. Серый рыцарь, он же ангел – печален, черт весел, первый – естмь воин света, второй – воин тьмы, но для меня они в первую очередь просто – друзья, ведь это Кинг-Конг и Леха...

– Будьте здоровы други, – это моя улыбка. – Вот и свиде-

лись, – это моя затаенная, и выпущенная теперь на волю птица – печаль. – Ну, где же Вы были, – спрашивают мои широко открытые глаза.

– Мы постоянно были где-то рядом, – все таким же тихим спокойным и одновременно уверенным голосом произносит серый ангел, отвечая на так и никогда не заданный мною вопрос.

– Да, – подтверждает черт, все так же, как в нашем с ним былом детстве, открыто и дерзко ухмыляясь, не мне – всему миру, – Я был в твоих грехах.

– А я в молитвах, – шепчет серый ангел, опуская уставшую голову ниц, его седые волосы струятся тонкими нитями чистейшего серебра, прикрывая так никуда не исчезнувшие шрамы от старых ожогов, поцелуев огня.

Мне хочется обнять их сразу обоих...

– Чаю будешь? – улыбается Дед за моей спиной, он как всегда все понимает. – Гости – то без тебя начали. А я вот сегодня еще чаечком не баловался.

– Буду, – яжимаю крепкую ладонь Серого ангела, а затем загорелую длань черта, просто по старшинству, что соответствует личной хронике минувших потерь. Они поднимаются, и я обнимаю их, обоих сразу, сдерживая, внезапно подкатившие к глазам соленые слезы. – Теперь все будет хорошо, конечно же, я не верю, но чувствую, что сейчас это именно так. И это сейчас – Вечность.

Так, мы вместе садимся пить золотой чай, настоящий на

родниковой воде, отражении утренней звезды, а так же на медовице, зверобое и еще каких – то особенных, скрытых, известных только деду лесных травах.

Большое закатное солнце заглядывает в домовое окно, по очереди освящая наши лица, своими пушистыми одуванчиковыми лучами,...его желтые лучи нежно, словно пальцы слепца касаются туманных, и одновременно реальных ликом сидящих за одним столом: старик, ангел, черт..., я...Ты... Лучи, прикасаясь к нашим лицам, просвечивают насквозь, проникая в самую глубь. Там, тоже свет.

...На какое-то время каждый из нас уходит в себя, словно шаря где-то по самому краю прошлого, во второй, или одна тысяча второй раз, пытаюсь доспорить, дознаться, доискаться, или просто долюбить. Они уходят в свое вчера, лишь моя неугомонная тень мечется меж хрустальными замками и туманными долинами будущего. Теперь, из нас четверых, настоящее завтра есть только у меня... Но, здесь, этим не стоит кичиться, здесь об этом не следует кричать, даже самым тихим шепотом, а так же, этого не позволительно стыдиться, ведь это просто потусторонняя реальность, в мире, для которого действительны лишь законы нерукотворных внутренних вселенных, равных перед рамками всей беспредельности мироздания, вселенным внешним.

Теперь, мне кажется, что само время встало, или просто застыли краски этого мира, я пришел сюда в поисках тишины, и не думал что, найдя ее, снова захочу дисгармонии

звука, который в любой момент готов взорваться порванной струною, и... «об этом не думать, только не думать» -, иначе дорога в Синий лес исчезнет навсегда, здравый смысл победит, лишив, таким образом мою беспокойную душу всяческого смысла, заменив истинную сказку придуманными чужими людьми всяческими внешнемирскими суперблагами.

Затянувшееся молчание нарушает Дед...

– Кирилл, уважаемый черт Леха, говорит, что видел на окраине леса, какую – то милую женскую тень, – только слова Деда не способны сломать этот хрупкий мир, который я сам рушил и снова создавал по крупицам вновь и вновь, кажется уже не одну сотню раз.

Леха кивает, со щелчком когтистой ладони доставая прямо из воздуха стограммовый бокал коньяка, по доносящемуся до меня пряному аромату, это – Камю. Черт подмигивает, протягивая раскрытую ладонь, готовый в любой момент достать из воздуха теперь – мой коньяк.

– Нет..., черт побери, – прошу я старого друга. – Этой дряни полно и в поту стронем мире, – мои случайно вырвавшиеся наружу слова с хрустальным звоном разбиваются на тонкие осколки, ударившись об пол вместе с вдруг выпавшим из ладоней Черта-Лехи коньячным бокалом.

– Зачем же ты так, Кирюша, – бледнея, шепчет Дед.

– Пусть больно, но зато это – правда, – внезапно окрепшим, повелительным, и не терпящим возражения голосом, останавливает Деда Серый ангел. А черт, забыв о своей

непременной пофигистской улыбке, болезненно морщится, словно его ударили по лицу.

«Никогда не говорите мертвым, что они мертвы, а детям, что в реальной жизни нет места сказочным чудесам. Поверьте, это очень больно, когда твой мир рушится..., прямо на твоих же глазах, а ты уже ничего не можешь сделать».

– Черт, – я всячески пытаюсь смягчить нехорошо сложившуюся ситуацию. – Ты, кажется, видел на окраине леса «милую женскую тень»? Чертов бабник, расскажи...

– Действительно очень милая, – оживает черт-Леха. – Я даже хотел ее слегка закадрить, но она спрашивала только тебя...

– Да, я то же ее видел, – подтверждает Серый рыцарь, – Хотя пока всего лишь тень, но очень даже симпатичная леди, я думаю, она совсем скоро проявиться, такая загадочная и...

– Нет!!! – кричу я, вскакивая со стула..., внезапно оказываясь сидящим в кресле у раскрытого окна, своей привычной старой квартиры, не своего, теперь уже – просто нашего, мира. Синий лес за спиной..., он есть, его никогда не было, но кажется, он еще будет, когда-то, ведь у меня все еще есть будущее..., а пока...

...бескрайнее теплое море, белый песок, мы идем вместе, держась за руки, словно дети, хоть Ты молчишь, Я все равно знаю, как тебя зовут. Ты.....

Звон, звон разбившегося коньячного бокала... Я стою голыми ногами на полу, боясь сделать шаг, чтобы не порезать

ступни, и... просыпаюсь повторно, чтобы отключить, чертов будильник... пора, вставать. Впереди целый рабочий день. И это зима...не похожа на сон.

Всего лучше, в этой дурацкой жизни с самого детства у меня получалось рассказывать сказки. Когда я был мал, это называлось ложью, враньем, за это ругали, и даже наказывали, ставя в угол, лишая сладкого. В период взросления, тяга к выдумкам помогала выживать, выкручиваясь из самых нелепейших ситуаций... Во время совершеннолетия, данную способность авторитетные вузовские педагоги объявили талантом, потихоньку приучая меня это ценить, и использовать только по назначению, обозвав заграничным словом – креатив. И только перешагнув свое двадцатилетие, получив определенный багаж знаний, с немалой толикой личного опыта, я поверил в свои сказки, и даже начал зарабатывать на этом деньги.

Это – умение создавать из Ничего – Все..., рассказывать о мире теми красками, которые, к сожалению, или возможно к счастью, недоступны многим (ведь если видишь слишком много, то и хочешь соответственно, как я рад за тех, кто видит мало, и им достаточно...), я не завишаю свой статус – просто вижу Ангелов... знаю звуки, которыми ночь пытается рассказать случайным прохожим, о том, что именно старый флейтист повинен во вчерашнем проливном ливне чуть не затопившем весь город, это его грусть и затаенная обида на несвершившееся чудо вызвали дождь, доведя его до уровня

катаклизма.

Наверное, с такой неумной фантазией, стоит податься в новые пророки, или депутаты местного муниципалитета. Сводя с ума мирных обывателей обещаниями запредельных благ и перспектив. Но я, не настолько тщеславен. И поэтому, для начала стал просто газетным репортером, (газетер, так презрительно называют подобных людей). Выбрав из всех сущих зол наиболее созвучную душе – колонку культуры в политико-экономическом еженедельнике «УралПолитКом-Прикамье», заведовать коей (конечно – же, колонкой) мне и поручили всего через пару месяцев беготни на посылках, двух испытательных статей, и душещипательной выволочки у нашего главреда (главного редактора) Артура Дмитриевича Клодта, по поводу моей излишней самоуверенности с чувовищными провалами во владении азами чисто литературного русского языка.

Меня ругали, и печатали... Мир – вертелся. А я, пытался его обогнать. Перебираясь с презентации веб-сайтов Культурных натуралов на выставку художников анархо-пофигистов. Взмахом пера, в порыве юношеского максимализма, пытаюсь решить одновременно проблему наркомании, Спиды, и общего падения нравов.

Смотря на обычную уличную грязь, и свое заплюхавшееся отражение в холодных осенних лужах, я тогда не пытался, если признаться откровенно, донести до людей какие – либо прописные истины. Какие? Ну, красота – спасет мир. Все

мы – сестры и братья. Не грехи, а возлюби. Я просто, как и в детстве, пытался рассказать, очередную светлую сказку, впихнув в нее как можно больше правды. Создавая при этом обязательное предчувствие, если не непременно, скорого хеппи-энда, то хотя бы надежды, на то, что когда – ни – будь, все будет хорошо. С кем? С тобой, с ним, со всеми нами. А пока, я рассказывал, о том, как увидеть ангелов, и услышать то, что, хочет рассказать ночь. Конечно же, слышали не все, но меня печатали. Две-три статьи в номер, передовица, двести, триста строк – мечты сбывались..., я уже не считал количества напечатанного, просто работал, как вол. Больше моего эго и главреда, вечно ищущего, чем бы таким куртуазно – оптимистичным заткнуть очередную полосную дыру, была довольна мама, показывая очередной выпуск газеты своим подругам, ведь это, написал именно ее сын.

Какое-то время я был счастлив, не от иллюзорной бумажной славы и понимания, что твою статью с личной подписью увидят несколько десятков тысяч человек, а от самого процесса, писать – творить...! То есть, Жить – писать – творить = Творить – жить, жить – писать... и я писал, думая, что творю...

Немного мечты в теплых тонах: « ...На картине Н. Шахова. «Гуляющие люди» две фигуры в серых кружевах – мать и дочь. Стоя у самой кромки большого озера, они смотрят в него. Что хотят увидеть женщина и ребенок? И что увидите, и поймете Вы?... »

Я понял, что больше не хочу писать... Нет, я все еще желал творить, но мне мягко по товарищески намекнули, что газете в первую очередь нужна реклама и заказуха, а не эти твои замашки на литературное творчество. И крылатая муза, стоявшая тогда за спиной возмущенно нахохлившись, прошипела мне в левое ухо:

– Ты случайно не помнишь, когда в последний раз выдавали зарплату? Ах, никогда? Скоко, скоко составила общая сумма твоих гонораров!!! Что же мы будем кушать, дружок? Ведь на думских пресс-конференционных фуршетах журналистов больше поят Русской водкой, и кормят новыми баснями, чем обычной – человеческой едой.

– Замолчи! – я еще трепыхался.

– Нет слов, – соглашалась муза, в своих прозрачных, как слеза младенца устремлениях, намыливаясь сбежать к более разумному владельцу, способному сочетать пищу духовную с умением добытчика благ вполне материальных.

По-честному, муза тогда была просто послана на фиг. Но разум все же победил. Так я начал трудиться в Конторе...

*

Иногда, мы называли себя в шутку – «Бюро добрых услуг». Но привычней – «фазенда».

Почему фазенда?

Да потому что, здесь пахут натуральные негры. Не очень

черные, но очень даже литературные. Если у вас есть потребность, создать какой либо текст (заметьте, совершенно любой), но нет таланта, времени, или желания это делать, можете смело обращаться к нам: сваяем, слепим, создадим, выдумаем, или просто подгоним вашу нетленку в приемлемые для чтения рамки.

Если бы не вечное подполье..., тень, в которую теперь ушло мое объевшееся только духовным Я, устав от красования среди газетных полос, эта работа стала бы той самой, тихой бухтой, о которой я так красноречиво, когда-то в прошлой жизни рассказывал Юю. Но жить в свете, резко вступив в тень (даже наш рабочий офис находился в подвале без окон), это почти наркоманская ломка. Это сложно понять... Еще труднее объяснить. Просто работая в газете, я ощущал себя светом (свет несущим, свет дающим), а паша в конторе, я становился лишь чей-то купленной тенью. Тень, о которой знал только покупатель. Знал, но старался тут – же – забыть. Стыдливо приписывая купленное, обычным душевным самообманом только к своим заслугам. Так я стал чужою тенью, правда, имеющей вполне неплохие средства к существованию.

Хорошее дело привычка, после пары-тройки особо занимательных заказов, я потихоньку снова начал собою гордиться...

SWOT-анализ для одной небольшой туристической фирмы, который нелепо откашивая в сторону свои глазами, при-

нес мне к исполнению тридцатилетний менеджер среднего звена. Научная статья «О полезности дуалистической совместимости преподавания в младших классах русского языка и литературы в применении к совместным урокам принципа эпиграфической наглядности» – это был отчет для молоденькой преподавательницы, рассчитанный на доклад на муниципальной конференции гуманитарных знаний.

Моей большой гордостью, и одновременно не меньшим грехом стал и доклад «О влиянии сребролюбия на пастырское служение», с муками нечистой совести и душевным трепетом написанный мною для одного христианского священнослужителя, пожелавшего не осрамиться перед братьями, выступая на зачетном экзамене пятого курса духовной семинарии нашего города. Я все еще не могу решить, был ли это мой грех тщеславия, или попытка посмотреть на христианство и служение Богу, изнутри. Пропустив сквозь себя истинный свет. Не оступаясь, глядя на мирское, понять не только самому, но и донести до других, как в душе пастыря, Божий закон и земные блага, встречаясь, обязаны разойтись. И это, необходимо не священнику, а пастве, перед которой и во многом для которой он понесет свой крест, как он объяснит, где кривь и правь, если сам того не ведая, подменяя, путает оба понятия. Все же, я согрешил, и он согрешил, не знаю, чей грех больше, это решаешь только Ты сам, или сам Бог. Но в одном я уверен точно – написанный мною текст (плод работы с семьей трудами святых отцов, начиная с пят-

надцатого, заканчивая двадцать первым веком, результат эмпатийного вживления в сферу истинно христианского мышления) ни в коей мере не был грешен. Он излагал правильные и необходимые с точки зрения христианской морали, вещи (мораль человека я придержал тогда при себе, поскольку известно, как низко в последнее время мораль та пала).

Странно, но после этой работы я стал лучше понимать, а главное принимать Божьи принципы всеобщего бытия, но зато начал менее – трепетно, и более холодно, относиться к Божьим служителям на земле.

В общем, работа, как работа. Еще я забыл упомянуть о двух десятках написанных мною студенческих дипломных работ (экономика, менеджмент, проектирование, социология, история) и т.п. и т.д., куча различной мелкой повседневности недостойной упоминания, но вполне достойно оплачиваемой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.